

Розин В.М.

Культуры детства и старости: становление индивидуальной жизни и её завершение

Аннотация: В статье формулируются проблемы, заставляющие по-новому осмыслять детство и старость как две рамки (становление и завершение), замыкающие индивидуальную жизнь человека. Рассматриваются филогенетические параллели развитию ребенка в детстве. Водится представление о культурах человека, которые характеризуются особенностями жизнедеятельности и видения (сознания), а также характером форм социализации. Детство – это не только самостоятельная культура жизни, но и начало трудного перехода от одной жизни к другой (от «прамы» к личности). В детстве два основных способа освоения мира: игра и формирование первых социально значимых практик. Ребенок осваивает взрослый мир посредством игры, «мыслит» схемами. Смысл кризиса детства, о котором сегодня много говорят, – это кризис нашей, взрослой жизни. Как культура жизни старость складывается при условии, что общество признает своеобразие жизни пожилых людей и создает специальные условия для такой жизни. Другое условие – усилия и работа самих пожилых людей и стариков: выстраивание своего рода концепции старости и ее реализация. Третье осмысление старости в культуре (литература, музыка, наука и прочее), создание «семиотики старости». Рассматриваются различные концепции старости и такой важный их компонент как конституирование в этой культуре смысла жизни. Основные методы исследования: сравнительный анализ, методологическая проблематизация, культурно-историческая реконструкция, анализ кейсов. Общая методология – философское осмысление, опирающееся на гуманитарный и культурологический подходы. На основе проведенного исследования удалось ввести понятия культуры детства и старости, показать при каких условиях они формируются, в чем особенности и сущность каждой культуры, какие проблемы стоят в их отношении, какие основные направления решения этих проблем. В целом автор предлагает новую философскую концепцию детства и старости.

Review: The author of the present research article raises the issues that make us take another look at childhood and old age as the frames (development and completion) of human's individual life. The author views phylogenic parallels to the child development and introduces the concept of human cultures, the latter being described in terms of peculiarities of life activities and views (consciousness) as well as the nature of socialization processes. Childhood is not only an independent culture of life but also the beginning of a difficult transition from one life to another (from the 'pram' to personality). Childhood provides the two methods of the world development – play and first social contacts with significant others. A child understands the adult world through play and thinks according to particular patterns. The meaning of a so-called childhood crisis so many people are talking about now is in the crisis of our adult life. Old age develops as a culture of life only if the society admits singularity of life of elderly people and creates special conditions for their life. The other condition is the efforts and work put forth by elderly people and old people towards developing their own concept of old age and putting that concept into life. The third condition for developing the concept of old age in culture (literature, music, science and etc.) is the creation of so called 'semiotics of old age'. The author views different concepts of old age and analyzes a very important element of these concepts, institutionalization of the meaning of life in the culture of old age. The main research methods used by the author included comparative analysis, methodological problematization, cultural and historical reenactment and case analysis. General methodology included the philosophical interpretation based on humanitarian and cultural approaches. Based on the results of the analysis carried out, the author offered the definition of the term 'culture of childhood and culture of old age' and described the conditions of their formation, peculiarities and essence of each culture, issues related to these cultures and the main solutions of these issues. Generally speaking, the author offers a new philosophical concept of childhood and old age.

Ключевые слова: Кризис, деятельность, общество, прамы, культура, детство, старость, реальность, личность, становление.

Keywords: Crisis, activity, society, prams, culture, childhood, old age, reality, personality, development.

Проблемы старости

Понятно, что по отношению к старости особенно трудно (если невозможно вообще) провести точку зрения развития единой психики человека. В заключении книги «Практическая психология старости» Марина Ермолаева пишет: «О старости много написано, но мало известно. Осталась нераскрытой величайшая тайна старости, которая заключается в том, что хронологические ровесники этого возраста могут относиться к различным психологическим возрастам: один пожилой человек переживает любовь – он вернулся в период юности; другой продолжает свою творческую профессиональную деятельность – он пребывает в зрелом возрасте; третий посвятил свою жизнь заботам о собственном угасающем здоровье (его удел – разговоры о докторах и лекарствах) – это действительно старость. Анализ литературы о психологии старости и старения, анализ биографий и автобиографий творческих людей, доживших до преклонных лет, показал, что старость как психологический возраст может и не наступить в жизни человека»¹.

Возникает естественный вопрос: если все так индивидуально и уникально, можно ли в таком случае что-то сказать о старости по существу или, скажем, в плане закономерности?² Думаю, все же можно, для этого, правда, нужно последовательно реализовать культуроло-

гический и гуманитарный подходы. Культуролог с подобной установкой, с одной стороны, старается в гуманитарном ключе понять феномен старости, с другой – охарактеризовать его как идеальный объект (т.е. приписать старости контролируемые характеристики, позволяющие его мыслить непротиворечиво и решить проблемы, которые волнуют исследователя). Здесь опять можно согласиться с Ермолаевой. «Этот возраст, – пишет она, – отличается особое предназначение, специфическая роль в системе жизненного цикла человека: именно старость очерчивает общую перспективу развития личности, обеспечивает связь времен и поколений. Только с позиции старости можно глубоко понять и объяснить жизнь как целое, ее сущность и смысл, ее обязательства перед предшествующими и последующими поколениями»³.

Эта постановка вопроса не столько психологическая, сколько культурологическая и научная, но также ценностная, гуманитарная. Дело в том, что в реальной жизни есть много чего: старость и такая и сякая, и удовлетворительная (иногда даже счастливая) и несчастливая, но вот культуролог-гуманитарий должен уяснить и схематизировать «желательную старость». Именно в этом ключе можно понять последнюю строчку книги Ермолаевой: «Если бы жизнь завершилась старостью-катастрофой, старостью-деградацией, то она не имела бы смысла. Жизнь может и должна завершиться старостью-гармонией, старостью-мудростью, и для этого стоит жить»⁴.

Это так сказать в идеале, а опыт говорит, что «старость не радость»; кроме того по отношению к последней культуре жизни человека встает много вопросов. Например, чем заполнить жизнь, чтобы она не теряла смысл, или в другой версии – это *проблема нахождения в этом возрасте смысла жизни*. «Общество, – пишет священник Роман Бацман, – может освободить пожилого человека от его гражданских обязанностей, но оно не может освободить человека от обязанностей по отношению к самому себе. Речь идет о самой главной обязанности человека – решении вопроса о смысле жизни

¹ Ермолаева М. В. Практическая психология старости. М., 2002. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=14

² «Очень сложной, – отмечает Ермолаева, – является проблема выделения границ старости. Границы между периодом зрелости и началом старости трудноуловимы. Один из основоположников отечественной геронтологии – И.В. Давыдовский – категорически заявлял, что никаких календарных дат наступления старости не существует. Обычно, когда говорят о старых людях, руководствуются возрастом выхода на пенсию, но последний далеко не одинаков в разных странах, для различных профессиональных групп, мужчин и женщин. По мнению ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), более удобным представляется термин «стареющие», указывающий на постепенный и непрерывный процесс, а не на определенную и всегда произвольно устанавливаемую возрастную границу». http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=1

³ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=1

⁴ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=15

и осуществлении его на практике. Важно не только понять свое предназначение, но еще исполнить его. Такая задача стоит, безусловно, перед всеми людьми, а не только перед пожилыми. Просто с течением времени нарастает острота вопроса о смысле жизни, т.к. времени и сил, отведенных для его решения и осуществления, с течением жизни остается все меньше»⁵. Одно из условий нахождения смысла жизни состоит в том, чтобы нащупать и выстроить правильный образ жизни. Вопрос, как это сделать?

Вторая проблема – *как преодолеть страх перед смертью?* Избежать, если не старости, то смерти, люди мечтали с древнейших времен. О желании бессмертия, например, замечательно пишут поэты и «ученые» народа Нагуа, населявших в древнем мире большую Мексиканскую долину.

(Если) за один день мы уйдем
И за одну ночь спустимся в область тайны,
И здесь мы только, чтобы узнать себя,
А на земле мы лишь мимоходом.
Мирно и радостно проведем жизнь:
Приходите и наслаждайтесь,
Пусть не приходят те, кто живет в злобе:
Земля очень широка!
Вот бы всегда жить,
Вот бы никогда не умереть!⁶

Вряд ли найдется много людей, которые стали бы утверждать, что они бессмертны. Тем не менее, большинство из нас живут, как будто мы бессмертны. Верующие прямо считают, что, поскольку душа бессмертна и Бог существует, то рано или поздно они воскреснут, подобно тому, как воскрес древнеегипетский бог смерти и жизни Озирис или Христос⁷. Неверу-

⁵ Проблемы старости: духовный, медицинский и социальный аспекты. М., 2003. С. 53. Данное размышление можно лучше понять по М.Бахтину, утверждавшему, что только смерть (в данном случае ее приближение) создает место для «точки внеаходимости», позволяющей завершить жизнь человека и впервые понять ее смысл. Другое дело, что в течение жизни некоторые люди, осмысливая свою жизнь, пытаются понять ее смысл и далее реализовать его. Подобное понимание-конструирование жизни личностью – необходимый момент ее осуществления в европейской культуре.

⁶ *Леон-Портилья М.* Философия нагуа. М., 1961. С. 159.

⁷ Но не надо думать, что верующие не боятся смерти. «Для христианина, – пишет Бацман, – смерть великое таинство. Она – рождение человека из земной, временной жизни в вечность. В то же время – “что для человека всего ужаснее? – пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Смерть? Да смерть.

Ющие стараются не думать о смерти и главное жить. Вопрос, правда, как жить в старости при условии, что ты уже вышел на пенсию, болеешь и чувствуешь себя одиноким, а впереди ничего нет? Кстати, это и есть третья проблема старости: многие из нас болеют и одиноки, не видят перспективы в будущем и, спрашивается тогда, как жить?

Конечно, не все, достигая преклонного возраста, не работают, болеют и одиноки. Многие стараются работать до конца, именно как бессмертные существа. Многие тратят все свои силы, чтобы быть здоровыми и чувствовать себя хорошо, но, как известно, еще никому не удалось избежать смерти. Многие не одиноки, поскольку работают и имеют поддержку в семье или со стороны друзей.

Если же все же, как у большинства, человек достиг пожилого возраста, вышел на пенсию и оказался перед вопросом, как жить, он часто не то, чтобы старается обмануть жизнь, а выстраивает ее, как может, одновременно в душе чувствуя, что эта жизнь *как бы* не совсем настоящая. Один способ, пожалуй, из лучших (исключая веру), найти себя в творчестве. Начать писать мемуары, картины, сочинять музыку и прочее. *Как бы* здесь в том, что впереди маячит «дама с косой», криво усмехающаяся над твоими усилиями. Другой способ, особенно распространенный в нашей цивилизации – развлечения. Пожилые люди не отрываются от телевизора, ходят на выставки и концерты, если позволяет здоровье, путешествуют, осваивают курорты и т.д. и т.п. *Как бы* здесь в конечности всех этих занятий и неотступном вопросе: а в чем смысл всего этого, зачем это, ведь не просто ради удовольствия и заполнения (убиения) времени жизни? Если же смысл не находится, то развлечения во многом теряют свою привлекательность, превращаясь в пустое занятие, в анти жизнь. Еще один способ, тоже неплохой, начать помогать бездомным собакам и кошкам, а также всем, кто готов принять твою помощь. *Как бы* в данном случае в том, что человек не решает своих собственных про-

Всеякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох испускать⁷. Истинно христианское отношение к смерти заключается в себе элемент страха, неуверенности, именно тех эмоций, которые хочет упразднить наша современная безбожная цивилизация. Однако в христианском отношении к смерти нет ничего от низкого страха, который могут испытывать умирающие без надежды на вечную жизнь, и христианин с умиротворенной совестью приближается к смерти, по Божией милости, спокойно» (цит. соч).

блем, оправдывая это занятостью и тем, что ведь он помогает. В каком-то смысле оправдание своей жизни (как много я сделал, взял от жизни, любил, наслаждался и прочее) один из способов утешения и осмысления прошедшей жизни. Но опять *как бы*, ведь прекрасно прожитая жизнь перед лицом вечности и смерти перестает казаться прекрасной.

Есть еще один способ – просто жить, не размышляя, зачем и почему. «Среди отечественных ученых наиболее полно Н.Ф. Шахматов описал переживания стариков, связанные со смертью. На основании обзора многочисленных экспериментальных исследований он показал, что в основной своей части пожилые люди не боятся и не избегают разговоров о собственной смерти. Беседа с пожилым человеком на эту тему не носит для него травмирующего характера (конечно, при условии соблюдения такта и осторожности). Пожилые люди внешне не проявляли интереса к вопросам смерти. Обычными их ответами на вопросы соответствующего рода были: «стараюсь не думать о смерти, какой в этом прок», «зачем думать о ней, какой в этом прок», «если буду чувствовать себя, как чувствую физически сейчас, готов жить сколько угодно», «боюсь не смерти, а физических страданий, которые могут им сопутствовать». В высказываниях, отражающих отношение старых людей к смерти, можно увидеть личное решение основного вопроса, определяющего их жизненную позицию, – «живи, пока живется». «Несмотря на, казалось бы, наивный философский характер заключения, его значение не может быть преуменьшено, так как именно в этом можно увидеть итог жизненного личного Опыта». ⁸ Но заметим, что говорит собеседник: «стараюсь не думать о смерти», не означает ли это, что он о ней очень даже думает и, возможно, боится смерти, но как выбраться из своих страхов не знает?

Сущность культуры старости

Как культура жизни старость складывается при условии, что общество признает *своеобразие жизни пожилых людей и создает специальные условия* для такой жизни (пенсии, социальное и медицинское обслуживание, определенные законы, льготы, забота со стороны семьи и пр.). Другое условие – *усилия*

и работа самих пожилых людей и стариков: выстраивание своего рода концепции старости и ее реализация. Третье осмысление старости в культуре (литература, музыка, наука и прочее), создание так сказать «семиотики старости». Создавая условия для старости, общество может и перегнуть палку. «Так, например, английский врач и писатель А. Комфорт пишет: «Мы можем сделать людей социально старыми, отправив их на пенсию, можем даже этим способом сделать старыми физически, ибо у человека психические, физические и общественные факторы влияют друг на друга в такой мере, которая будет постоянно удивлять нас, даже в эпоху психосоматической медицины»⁹.

Если сравнить культуру старости с детской, то можно указать на существенные различия. Ребенок только идет к самостоятельной жизни и поведению, а пожилой человек исходно самостоятелен. Ребенок осознает себя вместе с родителями (феномен прамы), а пожилой человек даже в семье, которая может о нем заботиться, ощущает себя самостоятельной личностью, не сливающейся с его родными. Ребенок стремится к миру взрослых, а пожилой человек является взрослым; другое дело, что ему приходится заново устанавливаться по отношению к миру и другим людям. Стихия ребенка – игра и фантазия, а пожилой человек давно ушел от этих форм жизни. Ребенок не озабочен поиском смысла жизни, а пожилой человек нередко вынужден решать эту проблему. В чем же тогда специфика и сущность старости? Послушает Карла Юнга.

«По мнению К. Юнга, потребность выработать целостный взгляд на свою жизнь, обращенность внутрь себя, самосозерцание являются долгом и необходимостью в старости. Результатом этой психологической перестройки является появление новой жизненной позиции, рационального взгляда на свое существование и вместе с тем созерцательного, устойчивого психического и нравственного равновесия. К. Юнг считал, что закат человеческой жизни должен иметь собственное значение, а не быть жалким придатком к заре жизни. В связи с этим К. Юнг считал непоправимой ошибкой “проводить сумерки жизни в соответствии с программой ее зари”, нести “в сумерки закон утра”. Успешность, адаптивность старения определяется тем, насколько человек оказывается подготовленным к вступле-

⁸ Ермолаева М. В. Практическая психология старости. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=6

⁹ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=1

нию в новую фазу жизни, к тем задачам, которые несет с собой поздний возраст. Поэтому, рассуждая об учащении нервных срывов при старении, К. Юнг видел их причину в том, что во вторую половину жизни люди вступают неподготовленными»¹⁰.

В каком смысле люди оказываются неподготовленными? А в том отношении, что они начинают жить в новых условиях (перестают работать, не знают, чем себя занять, все больше болеют, не понимают как осмыслить конечность своей жизни и смерть и т.д. и т.п.), но представления о жизни и самом себе у людей старые. Чтобы жить по-новому, пожилой человек должен перестроиться, увидеть мир и себя иначе, чем прежде, нащупать новый образ жизни, который бы позволял справляться с болезнями, преодолевать страх перед смертью, заполнить свою жизнь интересными занятиями и делом. Сделать это невозможно, не выстроив *концепцию старости*, т.е. новое представление о реальности (ведь старая реальность как бы отделяется от человека и уходит в будущее), новое ощущение себя (ну вот я пожилой, старый человек и во многом один, поскольку старею и буду умирать, в то время как другие будут жить), не определив новый сценарий и стратегию жизни (например, надо «сбавить обороты», больше заниматься здоровьем, подумать о душе, найти посильное и интересное занятие и прочее).

«Возраст, – пишет Ермолаева, – в полной мере заявляет о себе как адаптогенный фактор именно в тот момент, когда человек в связи с уходом на пенсию лишается обязательной поддержки общества и системы определенных социальных связей, обусловленных профессиональной деятельностью, занимаемым в обществе местом. Уходя на пенсию, человек не только теряет общественные связи; отчуждение от социально значимой деятельности и соответствующее положение одновременно «уравнивают» людей в их пенсионном (оторванном от производительного труда) состоянии. *Социальные приобретения в прошлом, достигнутый за время работы материальный уровень жизни не избавляют человека от выбора стратегии старения*. По сути, человек на пороге старости решает для себя вопрос: пытаться ли ему сохранять и формировать новые сферы своих социальных связей или перейти к жизни, ограниченной кругом своих житейских интересов и интересов

¹⁰ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=4

близких, то есть перейти к жизни в целом индивидуальной. Это решение определяет две основные стратегии адаптации – сохранение себя как личности и сохранение себя как индивида»¹¹. «Вопрос о ведущей деятельности в старости остается открытым для обсуждения и изучения. Существует точка зрения А.Г. Лидерса, согласно которой ведущей деятельностью пожилого человека является особая «внутренняя работа», направленная на принятие своего жизненного пути»¹² (курсив мой. – В.Р.).

Концепциям старости несть числа, начиная от оптимистических, кончая пессимистическими и нулевыми (т.е. отсутствием таких концепций вообще). «Быть старым, – пишет Герман Гессе, – такая же прекрасная и необходимая задача, как быть молодым, учиться умирать и умирать – такая же почтенная функция, как и любая другая, – при условии, что она выполняется с благоговением перед смыслом и священностью всяческой жизни. Старик, которому старость, седины и близость смерти только ненавистны и страшны, такой же недостойный представитель своей ступени жизни, как молодой и сильный, который ненавидит свое занятие и каждодневный труд и старается от них увильнуть. Короче говоря: чтобы в старости исполнить свое назначение и справиться со своей задачей, надо быть согласным со старостью и со всем, что она приносит с собой, надо сказать ей “да”. Без этого “да”, без готовности отдаться тому, чего требует от нас природа, мы теряем – стары мы или молоды – ценность и смысл своих дней и обманываем жизнь»¹³.

«В то же время в отечественной геронтологической литературе описаны варианты неадекватных установок в отношении собственной старости, вплоть до полного неприятия ее. В качестве таких вариантов описывают регрессию (возвращение к прошлым формам поведения, проявляющееся в форме «детского» требования помощи, независимо от состояния здоровья), добровольную изоляцию от окружающих (пассивность и минимальное участие в общественной жизни), бунт против процессов старения (отчаянные попытки сохранить уходящую зрелость, вы-

¹¹ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=2

¹² Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=3

¹³ Герман Гессе. О старости. 1952 <http://www.lib.ru/GESSE/starost.txt>

ражающиеся в манере одеваться, сексуальном поведении, проведении досуга). При неадекватном отношении к старости у пожилых людей возникает ощущение неудовлетворенности жизнью, оскудение чувств, что вместе с хроническим недомоганием и прогрессирующей утратой интереса к окружающему провоцирует негативные изменения личности в форме «заострения» личностных черт»¹⁴.

«Работы С. Грофа и Р. Моуди подтверждают, что принятие жизни и смерти в целом не только снимает страх смерти, но и украшает поздние годы жизни, придает им особый смысл, особые краски. Приняв неизбежность смерти, люди становятся более сосредоточены на состоянии своего разума, чем физического тела, в связи с чем они сами могут оказывать умиротворяющее воздействие на окружающих. Мысли о смерти вызывают у них стремление завершить незаконченные дела, позаботиться о близких»¹⁵. «Хорошее физическое здоровье, умеренный характер общих возрастных изменений, долгожительство, сохранение деятельного образа жизни, высокое общественное положение, наличие супруга и детей, сегодняшний материальный достаток не являются залогом и гарантией осознания старости как благоприятного периода жизни. И при наличии этих признаков, каждого в отдельности и вместе взятых, пожилой человек может считать себя ущербным и полностью не принимать свое старение»¹⁶.

Итак, сущность культуры старости – это выстраивание концепции старости и ее реализация. В свою очередь последняя предполагает, с одной стороны, как я говорил, изменение реальности и нахождение смысла своей жизни, с другой – возобновление жизни в новых условиях. Мираб Мамардашвили неоднократно обращал внимание на то, что жизнь современного человека не осуществляется автоматически, она требует усилий и творчества. Тем более, в старости. Нужно находить в себе силы для жизни, поддерживать свое здоровье, в условиях нарастания болезней, собирать себя вновь и вновь, находить смысл жизни и прочее. Вопрос здесь в том, можно ли найти смысл жизни в старости, если жизнь кончается?

¹⁴ Ермолаева М. В. Практическая психология старости. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=4

¹⁵ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=6

¹⁶ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=8

Конечно, для верующего человека она не кончается, но ведь не все могут поверить в Бога, и даже очень многие в этой жизни не сталкивались с религиозным опытом. Говоря находить смысл и изменение реальности, я выражаюсь не совсем точно. И то и другое нужно создать, причем не произвольно, а органично для себя (хотя действительно, мы осознаем эту работу в естественной модальности).

На что здесь спрашивается можно ориентироваться? Может быть, на правильную жизнь? Возьмем для примера поддержание в старости здоровья. Часто для многих это самоцель. В то же время здоровье человека тесно связано с другими формами его бытия и с правильной жизнью в целом. Поясню. С точки зрения современных антропологических исследований человек напоминает кентавра и матрешку одновременно. Сама значимая и руководящая матрешка – личность человека. Личность предполагает самостоятельное поведение и самостроительство в отношении своей жизни. Другие матрешки: психика, телесность, биологический организм. Это, если мы идем от полюса социального поведения (одна ипостась кентавра). Если ли же сменить полюс, то последовательность обратная: биологический организм, телесность, психика, личность.

По отношению к такому пониманию человека и современной социокультурной ситуации ни одно из традиционных определений здоровья не работает. Считается, что здоровый – это не больной. Но, сегодня большинство болезней можно минимизировать за счет правильного образа жизни и медицинских услуг. Кроме того, с точки зрения биологических норм (давление, кровь, отсутствие хронических заболеваний и пр.) человек может считаться здоровым, но его психика, телесность и личность находятся не в лучшем состоянии. Здоровый – это состояние физического, психического и социального благополучия. А такого, как правило, вообще не бывает. Мы постоянно боеем, а полное благополучие нам только снится.

Для здоровья человека более существенно может ли он себя реализовать, живет ли в ладу сам с собой, ясна ли для него жизненная перспектива (план личности), справляется ли он со своими стрессами и настроением, может ли поддерживать нужные отношения с другими людьми, общаться с ними, умеет ли мобилизовать себя, обладает ли необходимыми способностями и т.п. (план психики), обладает ли его тело нужными качествами для жизни

(план телесности), получает ли его организм необходимое для жизни питание, движение, среду. Не менее существенно, умеет ли человек менять свое поведение, переходя на следующие этапы взросления или старения. Например, правильно расширять свои претензии и потребности, или, наоборот, свертывать их по мере приближения старости. Нетрудно заметить, что все указанные особенности жизни человека не складываются сами собой, они предполагают специальную работу, образ жизни и социальные условия.

Здоровье отдельного человека сегодня лучше понимать не как отсутствие болезней или иллюзорное благополучие, а прежде всего как *работу человека и качество, характер жизни*, складывающиеся под влиянием подобной работы. Главные ее составляющие такие. Построение *личной концепции здоровья* (а на последнем этапе жизни – концепции старости). *Включение в нее социальных требований к здоровью*, при том что одновременно нужно развивать *критическое отношение* к услугам, которые предлагает государство или медицинский бизнес, корректировать их на основе своей личной концепции здоровья. *Минимизация болезней* с использованием как личных возможностей (здоровый образ жизни, работа с собственными ценностями и пр.), так и всех средств, предоставляемых обществом. Формирование установок на возобновление жизни и здоровья, что предполагает *смену форм поведения и отношения к своему здоровью по старению. Умение работать и справляться со своими проблемами и стрессами*. Подчинение всей указанной работы общему сценарию правильной жизни.

Хотя сторонники духовно-экологического подхода утверждают, что правильная жизнь – залог здоровья, они не ставят во главу угла исцеление или поддержание здоровья человека. Их цель другая – именно правильная жизнь, понимаемая, конечно, каждым по-своему (в одном случае, это религиозное или эзотерическое спасение, в другом нравственная жизнь и служение людям, в третьем – достойное поведение и общественно значимые деяния и т.п.). Но может быть, все же можно понять, какая именно правильная жизнь способствует здоровью и что в такой жизни здоровью способствует? К сожалению, ответить на эти вопросы трудно, или даже невозможно. Для одних правильная жизнь заключается в творчестве, для других – в помощи людям или брошенным животным, для третьих – в вере, для четвертых, пятых, шестых... – короче, нет единственного правильного пути жизни, их много разных.

Как материал для размышления по поводу этой темы приведу два конкретных примера понимания правильной жизни – М.Фуко и вашего покорного слуги. Экзистенциальное самоопределение Мишеля Фуко (то есть понимание им правильной жизни) включает в себя следующие положения: конституировать, делать себя, ориентируясь на реальность, осмысляя ее; сопротивляться тем социальным институтам, которые подавляют личность; делать свою жизнь как произведение искусств; жить и мыслить так, чтобы преодолевать свое прежнее сложившееся бытие; быть открытым новому, переосмыслять и себя и внешнюю реальность. «Я мечтаю об интеллектуале, – писал Фуко, – который сокрушает очевидности и общие места, который в инерции и ограничениях настоящего находит и отмечает слабые места, трещины, силовые линии, который постоянно находится в движении, не знает точно, куда он двинется и как он будет думать завтра, потому что он уделяет слишком большое внимание настоящему». Фуко интересовала возможность «узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе». «Из идеи того, что Я не дано нам, есть только одно практическое следствие: мы должны творить себя как произведения искусства». Быть свободным «означает не быть рабом самого себя и своих стремлений – это подразумевает, что мы устанавливаем с самими собой известные отношения господства, укрощения, которые называются *arche* – власть, сдерживание». Эта критическая функция философии до известной степени проистекает из Сократовского императива: «Занимайся собой», т.е. «Самообладанием положи в основу себя свободу»¹⁷.

У автора несколько иная картина. Он стремится жить в ладу с самим собой. Старается делать себя, но не как произведение искусств. С одной стороны, он пытается соответствовать своему пониманию, что есть человек, с другой – критически осмысливать эти свои убеждения. С одной стороны, следует принципу, что «человек сам себе не судья», с другой – считает, что критическое отношение к себе – залог правильной жизни. С одной стороны, автор принимает себя, каким он является «здесь и сейчас», с другой – работает над собой, надеясь со временем измениться в лучшую сторону. Он не считает себя

¹⁷ Цит. по Роджер Алан Дикон. Производство субъективности // Логос. # 2 (65) 2008. С. 53-60.

гением, но делает все, чтобы через него состоялись культура и жизнь. Автор признает свою зависимость от других людей и совместность с ними своей жизни. Поэтому он старается помочь людям и сделать все, чтобы способствовать культуре. Одновременно готов отстаивать свою свободу как личность и возможность критического отношения к существующей жизни. Духовность и мышление для автора являются ценностями, и нравственное и порядочное поведение – не пустой звук. Наконец, он не исключает, что может заблуждаться по поводу правильности своего пути.

Можно заметить, что наши с Фуко представления исходят из убеждения, что нельзя раз и навсегда конституировать жизненный путь личности, что в течение жизни это приходится делать неоднократно. Тем не менее, это не означает, что нет определенных экзистенциальных универсалий, что жизнь человека можно конституировать произвольно. Мы конституируем себя в пространстве культурных оппозиций и общих условий, которые, конечно, же меняются со временем, но не исчезают вообще. В число этих общих условий и универсалий входят традиции, которым мы следуем и одновременно их преодолеваем, и сама работа по конституированию жизни личности. В наше время перемен и перехода, во внеэтическую эпоху об этом не стоит забывать, поскольку от характера конституированная себя во многом будет зависеть и качество нашей жизни. Важную роль в конституировании себя и реальности играют поступки человека (пересмотр своей жизни, решение ее изменить, экзистенциальный выбор и т.п.).

Если же говорить об идеале здоровья автора, то он таков. Меньше болеть обычными заболеваниями, если заболел, то скорее выздоравливать, справляться с хроническими заболеваниями, признавать свое старение, быть готовым к различным стрессам и экстремальным ситуациям, жить в ладу с собой, полноценно реализовать себя. Для осуществления этой «программы здоровья» он гуляет в парке, делает зарядку, старается жить правильно, работает с собой, обращается в случае обычных и хронических заболеваний к врачам и прочее. Однако стоит отметить, что не программа оздоровления была исходной, а установка на правильную жизнь и попытка воплотить ее в жизнь. Реализуя установку на правильную жизнь, я вскоре заметил, что и здоровье постепенно стало улучшаться. Проанализировав, что он делает и куда движется, автор и сформулировал свою программу здоровья.

Оказавшись в преклонном возрасте, я стал продумывать свою жизнь. Например, понял, что нужно все больше времени тратить на свое здоровье, что важно постепенно отказываться от желаний и форм жизни, которые ты осуществляешь через силу или для которых уже нет условий (а такой отказ, как известно, дается с большим трудом), что в старости человека держит творчество и востребованность, что для возобновления полноценной жизни нужно примиряться со своими возможностями, которые уменьшаются, что все больше помогают жить музыка и природа, что именно продумывание сущности смерти (и жизни), практически полностью снимает перед ней страх. Примерно о том же пишет Роман Бацман и Мария Ермолаева. «Условием длящейся или нарастающей зрелости является творчество во всех его проявлениях, включая творчество собственной жизни, каждого его дня. Замена старения нарастающей зрелостью – нравственный долг перед собой. Переживание продления собственной жизни в детях, незавершенных делах, переживание социального бессмертия – это условия преодоления старения как увядания и деградации. Порыв к жизни и творческие силы побеждают старость как психологический возраст и «снижают» его с траектории жизненного пути»¹⁸.

«Чтобы жить без страха, следует позволить Богу решить за нас прежде всего вопрос конца нашего земного существования и с благодарностью принять Его “волю”. Христианин верит в то, что его жизнь заканчивается в оптимальный для этого момент: самый благоприятный для спасения его души. Человеку не следует спать в духовном смысле этого слова. Он должен быть открыт всему, что ждет его на пути. Психолог В.Франкл пишет о том, что без страдания и смерти жизнь не полна. Во всем необходимо обнаружить смысл. Как жить, так и умирать человек должен осмысленно. В беседах митрополита Антония Сурожского есть пронзительные слова: “Не важно – жив ты или мертв, важно, ради чего ты живешь или во имя чего ты умираешь”. Но в чем же мы можем обнаружить смысл смерти? Во-первых, она смиряет человека. Смирение есть единственная тональность речи для диалога с Богом. Творение осознает себя и свою потребность во встрече с Творцом. Во-вторых, сознание смерти облагораживает жизнь, не

¹⁸ Ермолаева М. В. Практическая психология старости. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=14

позволяет человеку потерять себя в суете. В-третьих, смерть объединяет всех. Столкнувшись со смертью, человек осознает свою причастность человечеству»¹⁹.

Может показаться, что в сущность старости должны входить умирание и смерть. Думаю, что нет. Они входят в концепцию старости: и то и другое нужно признавать и продумывать. Но сама старость – это именно жизнь несовместимая со смертью. Продумать же жизнь, как ограниченную смертью, необходимо. При этом приходишь к интересному парадоксу: жизнь человека как биологического существа конечна, а как личности и социального индивида бесконечна. Мы недостаточно понимаем, что наша душевная и духовная жизнь задается Культурой и Социумом и принадлежит не только нам, но и этим деиндивидуальным формам коллективной социальной жизни. Социум подобно Солярису в романе С.Лема вечен (пока существует Земля и на ней люди), но он живет посредством вами и мной. И мы с вами живем посредством Социума (кстати, осознается он по-разному: рационально как Культура или Социальность, или Человечество, религиозно – как Бог). Но нам кажется, что человек – это одно, как говорили в античной и средневековой культуре, «микрокосм», а Социум – другое, «Макрокосм». Как принадлежащие Социуму и Culture мы бессмертны, а как биологические существа смертны. Но здесь нет трагедии, если только жить правильно, поскольку, как я говорил, в сущность старости смерть и умирание не входят. В концепцию старости смерть входит, но за ней стоит видеть продолжение жизни, пусть не нашей, но и нашей, Вечной. Как замечался поэтически размышлял об этом наш великий поэт Ф. Тютчев:

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день –
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И стужается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...
Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму –
Где-то там, над ней ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

И я относительно недавно рискнул поэтически поразмышлять на тему бессмертия и любви к своей жене. Вот это размышление.

Мне сон приснился странный,
Что умерли мы оба,
И словно птицы легкие
Поднялись в небеса.
В сияющих чертогах
Предстали перед Господом,
Там ангелов хранителей
Звучали голоса.

«Покайтесь, мои путники» –
Сказал Творец спокойно.
И книгу судеб толстую
Из шкафчика достал.
«Грехов различной тяжести
За жизнь скопилось много» –
Страницу за страницей Он
Задумчиво листал.

И пели хоры ангелов,
Так страшно и прекрасно.
Внимая нам и Господу,
Склоняя к долу взгляд.
Что мы как на концерте
Заслушались невольно,
Забыв, зачем поспешно
Явились в этот град.

Очнулись мы от голоса
Ангела хранителя.
«Позволь замолвить слово» –
Он Господа просил.
Творец кивнул приветливо,
Захлопнул книгу скорбную,
И голову прекрасную
На облака склонил.

«Прости, Отец Небесный,
Грехи не отрицаем.
О них мы сами ведаем,
Страдаем и корим
Себя за равнодушие,
За тех, кого забыли,
Кому не помогали
Хотя и были с ним.

Но, может быть, достойны
Мы все же нисхожденья,
Поскольку честно жили
В терпенье и трудах.
Детей поднять сумели,
Хотя они, конечно,
Ну, не совсем, конечно,
Как бы хотелось – Ах!

–Идите с Богом дети, –
Творец ответил ангелу, –

¹⁹ Там же. http://www.syntone.ru/library/books/content/7315.html?current_book_page=7

Грехи любовь смывает,
Как чистая вода.
Любили вы родителей,
Детей своих и внуков,
Любили вы друг друга,
Жалели вы всегда.

Нас ангел взял за руки
На облако поставил.
Оно как шар воздушный
По небу поплыло.
«Теперь вы сами ангелы» –
Сказал хранитель грустно.
И, перья растопырив,
Легли мы на крыло.

Я привел свои стихи не только для иллюстрации, но и для того, чтобы обратить внимание на, как сегодня модно говорить, нашу *интерсубъективность*. Я вместе с любимой женой, мы с Богом, олицетворяющим для нас других людей и в целом Человечество. Принадлежность к Социуму и Культуре – это в том числе моя связь с другими людьми. Хотя обе формы коллективной деиндивидуальной жизни не сводятся только к людям – есть еще много чего: язык, социальные институты, материальная среда, техника и прочее – все же без людей Социум и Культуру помыслить невозможно. Без связи с людьми я не могу существовать, в критических ситуациях я черпаю энергию и помощь от Других, в свою очередь я стараюсь посылить помогать людям, мне не безразлично как они живут и каким образом будут жить, даже когда меня не будет. Фраза «он любил людей» вовсе не просто красивая формула: это символ веры в людей, в нашу интерсубъективность. Посредством интерсубъективности и любви к людям мы обретаем бессмертие, но только, если живем «не как живется», а стараемся жить правильно, работая на Других, Социум и Культуру.

Здесь, возможно, можно нащупать и смысл жизни в старости. Надо жить так, чтобы сознательно, с нашим собственным пониманием пользы и блага, войти в Социум. Что значит войти, если как биологические существа мы умрем? Но как люди, принадлежащие Культуре и Социуму, мы бессмертны и наша жизнь является *достоянием* других людей, как в настоящем, так и в будущем²⁰. В свою очередь,

²⁰ Стать *достоянием* для Социума и Культуры, для живущих сейчас и тех, кто будет жить в дальней-

чтобы стать таким достоянием, нашу жизнь надо завершить, правильно артикулировать и представить. Именно такую задачу и решает человек в старости. Завершение жизни, мыслимая в будущем смерть, любовь к людям и создают ту самую точку «внезаходимости», о которой пишет Бахтин, которая позволяет завершить нашу жизнь и представить ее для других. Поэтому не безразлично, как мы живем в старости и что делаем. Когда Фуко пишет, что он хочет сделать из своей жизни произведение искусства, то имеет в виду свою жизнь как пример для других, точнее хочет войти в культуру вполне определенным образом. Но, пожалуй, впервые на этот путь указал Платон.

В «Государстве» Платон описывает перипетии душ в загробном мире. Вроде бы судьба человека полностью определяется богами загробного мира, однако, выбор дальнейшей судьбы («жребия») трактуется Платоном как вполне закономерный, обусловленный тем, как человек жил, каков его разум; зависит этот выбор и от личности умершего. «После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана (выше богиня судьбы Лахесис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: «Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почитая или не почитая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен». – В.Р.). Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там тайлась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого... Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец,

шем, означает то, что мы будем участвовать в жизни других людей даже, когда нас не будет. Участвовать примером нашей жизни, детьми и внуками, нашими трудами. Эзотерик Рудольф Штейнер хорошо понимал это. Более того, он вывел подобное *достояние* на уровень самой идеи послесмертного существования. В его учении эзотерик в том мире подлинной реальности участвует в творчестве живущих, помогает Земле в ее развитии, короче – выступает, хотя его нет в живых в обычном понимании, существенным моментом жизни и творчества живущих.

она насилу нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе»²¹.

Здесь возникает естественный вопрос: почему все это не мифология и, может быть, платоновское учение о загробном мире и воздаянии души за ее земную жизнь и поступки – это всего лишь религиозная вставка в духе египетской Книги мертвых? Нет, не думаю. Да, действительно, Платон использует, как и в других своих диалогах, представления о богах и демонах. Но каким образом? В отличие от распространенных мифов, боги у Платона обеспечивают решение задач, которые его интересуют.

Среди этих задач, например, убедить становящуюся античную личность действовать разумно, а не просто удовлетворять свои желания и страсти. Действовать так, чтобы потом не жалеть о содеянном. Сюда же относится задача объяснить личности, что ее жизнь не ограничивается только существующими ситуациями и событиями, что есть реальность – послесмерное бытие, включающая жизнь человека как свой момент, причем от того, как человек живет на земле, зависит характер этого бытия. Стремится Платон объяснить античной личности, что смерть есть благо, если человек живет правильно и разумно, но – зло и страдание, если он живет неправильно и неразумно. Важной личной проблемой для Платона является определение способа жизни, который позволяет встречать смерть спокойно, без страха. «Такой человек, – пишет Платон в “Послезаконии”, – даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе блажен»²².

По сути, само понимание загробного бытия у Платона работает на его концепцию личности, не забудем, что главное, что должна сделать душа в царстве Аида, – осуществить пра-

вильный выбор своей судьбы. Но правильный выбор по Платону – это не одномоментный акт, а размышление, обдумывание своей прошедшей жизни, в конечном счете, как показывает анализ «Федона», «Пира», «Государства» и ряда других диалогов, правильный выбор предполагает сложную духовную работу («вынашивание духовных плодов», освобождение от уз тела и неразумных желаний, жизнь истиной, идеями и прочее).

К кому обращается Платон, рассказывая об идеальном государстве или о том, как он завершает свою жизнь? К другим людям. А в отношении самого себя, что он хочет сказать? Не сказать, а настроиться на правильную жизнь, которая и сделает Платона бессмертным. Понятно, что таково решение Платона, я решаю иначе, другие тоже по-своему. Но, думаю общее здесь в том, что правильная жизнь в старости направлена на осмысление прожитой и текущей жизни, на помощь другим, на вхождение в Социум и Культуру (формы же такого вхождения и участия в Культуре могут быть очень разные).

Последний вопрос, каким образом воспроизводится культура старости. Здесь три основных момента. Первый, эту культуру поддерживает общество, создавая для старческой жизни специальные условия и институты. Второй, сама биологическая природа работает на воспроизводство старости: люди стареют, болеют, идут к своему концу. Третий момент, совместная работа человека и культуры: человек создает индивидуальные концепции старости и реализует их, культура производит различные семиотики старости, которыми пользуются люди.

Завершая свою жизнь, будем помнить, что качество нашей старости во многом зависит от нас самих. Мы можем умереть еще при жизни, но можем сделать свою старость, если не счастливой, то во всяком случае полноценной, достойной и правильной. Выбор, как говорил, Платон, за человеком, боги не виноваты.

Список литературы:

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. 2002.
2. Августин А. Антология средневековой мысли. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001.
3. Апулей. Метаморфозы в XI книгах. М., 1960.
4. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980

²¹ Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 417, 418-419.

²² Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 458.

5. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999
6. Асмолов А. Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
7. Ахутин А. В. Открытие сознания // Человек и культура. М., 1990.
8. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. 1990.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. Т.2, М.,1982.
10. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т. 2. М., 1992.
11. Герман Гессе О старости. 1952 <http://www.lib.ru/GESSE/starost.txt>
12. Детство как предмет научного исследования. <http://vkjournal.ru/doc/105031>.
13. Дэвид-Ниль А. Мистики и маги Тибета. "Васанта". 1992
14. Ермолаева М. В. Практическая психология старости. М., 2002.
15. Зеньковский В.В. Психология детства. Ред. Golden-Ship.ru 2012. (Текст публикуется по изданию: Зеньковский В.В., проф. Психология детства. Лейпциг: Изд-во «Сотрудник», 1924).
16. Кле М. Психология подростка // Фролов Ю.И. Психология подростка. М., 1997.
17. Кон И. С. Ребенок и общество. – М., 1988.
18. Кон И. С. Открытие «Я». – М., 1978.
19. Красильщиков А. Еврейская месть. Быль. ЕС. N 3. 24-30 января 2007.
20. Леон-Портилья М. Философия нагуа. М., 1961.
21. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
22. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
23. Неретина С.С. Точки на зрении. Санкт-Петербург, 2005.
24. Платон. Апология Сократа // Платон. Соч: В 4 т. Т.1. М., 1994.
25. Платон Государство. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994.
26. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1994.
27. Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М, 2001. Т. 3.
28. Психология детства. Учебник. М., 2003.
29. Роджер Алан Дикон Производство субъективности // Логос. # 2 (65) 2008.
30. Розин В.М. Культурология. Учебник. 2-е изд. М., 2004.
31. Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. М., 2003
32. Розин В.М. Философия образования. Этюды-исследования (параграф «Каким образом и от кого произошел человек?»). Москва-Воронеж, 2007.
33. Розин В.М. Теория культуры. М., 2004
34. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. Изд. 5. М., 2012.
35. Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. М., 2001
36. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
37. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
38. Чуковский К. От двух до пяти. <http://www.litmir.net/br/?b=72192>
39. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
40. Meltzoff, A.N., & Moore, M.K. (1977). «Imitation of Facial and Manual Gestures by Human Neonates.». Science, vol. 198, 1977.
41. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-370609.html>

References (transliteration):

1. Abramenkova V.V. Sotsial'naya psikhologiya detstva v kontekste razvitiya otnoshenii rebenka v mire // Voprosy psikhologii. 2002.
2. Avgustin A. Antologiya srednevekovoi mysli. T. 1. SPb.: RKhGI, 2001.
3. Apulei. Metamorfozy v XI knigakh. М., 1960.
4. Artem'eva E.Yu. Psikhologiya sub'ektivnoi semantiki. М., 1980
5. Ar'es F. Rebenok i semeinaya zhizn' pri Starom poryadke. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 1999
6. Asmolv A. G. Psikhologiya lichnosti. Printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza. М., 2001.
7. Akhutin A. V. Otkrytie soznaniya // Chelovek i kul'tura. М., 1990.
8. Berdyayev N. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii). М. 1990.
9. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech'. Sobr. soch. T.2, М.,1982.

10. Godfrua Zh. Chto takoe psikhologiya. V 2-kh t. T. 2. M., 1992.
11. German Gesse O starosti. 1952 <http://www.lib.ru/GESSE/starost.txt>
12. Devid-Nil' A. Mistiki i magi Tibeta. "Vasanta". 1992
13. Ermolaeva M. V. Prakticheskaya psikhologiya starosti. M., 2002.
14. Zen'kovskii V.V. Psikhologiya detstva. Red. Golden-Ship.ru 2012. (Tekst publikuetsya po izdaniyu: Zen'kovskii V.V., prof. Psikhologiya detstva. Leiptsig: Izd-vo «Sotrudnik», 1924).
15. Kle M. Psikhologiya podrostka // Frolov Yu.I. Psikhologiya podrostka. M., 1997.
16. Kon I. S. Rebenok i obshchestvo. – M., 1988.
17. Kon I. S. Otkrytie "Ya". – M., 1978.
18. Krasil'shchikov A. Evreiskaya mest'. Byl'. ES. N 3. 24-30 yanvarya 2007.
19. Leon-Portil'ya M. Filosofiya nagua. M., 1961.
20. Meletinskii E.M. Poetika mifa. M., 1976.
21. Mid M. Kul'tura i mir detstva. – M., 1988.
22. Neretina S.S. Tochki na zrenii. Sankt-Peterburg, 2005.
23. Platon. Apologiya Sokrata // Platon. Soch: V 4 t. T.1. M., 1994.
24. Platon Gosudarstvo. Sobr. soch. v 4 t. T. 3. M., 1994.
25. Platon. Sobr. soch. v 4 t. T. 4. M., 1994.
26. Pomerants G.S. Postmodernizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. M, 2001. T. 3.
27. Rodzher Alan Dikon Proizvodstvo sub'ektivnosti // Logos. # 2 (65) 2008.
28. Rozin V.M. Kul'turologiya. Uchebник. 2-e izd. M., 2004.
29. Rozin V.M. Chelovek kul'turnyi. Vvedenie v antropologiyu. M., 2003
30. Rozin V.M. Filosofiya obrazovaniya. Etyudy-issledovaniya (paragraf «Kakim obrazom i ot kogo proizoshel chelovek?»). Moskva-Voronezh, 2007.
31. Rozin V.M. Teoriya kul'tury. M., 2004
32. Rozin V.M. Vizual'naya kul'tura i vospriyatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir. Izd. 5. M., 2012.
33. Rozin V.M. Filosofiya tekhniki. Ot egipetskikh piramid do virtual'nykh real'nostei. M., 2001
34. Teilor E. Pervobytnaya kul'tura. M., 1939.
35. Khyubner K. Istina mifa. M., 1996.
36. Chukovskii K. Ot dvukh do pyati. <http://www.litmir.net/br/?b=72192>
37. Yung K. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya. Kiev, 1994.
38. Meltzoff, A.N., & Moore, M.K. (1977). «Imitation of Facial and Manual Gestures by Human Neonates.» Science, vol. 198, 1977.